

СРЕДСТВА РЕПРЕЗЕНТАЦИИ КОНЦЕПТА «ЖЕРТВА» В РОМАНЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО «ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ»

Проводится анализ средств репрезентации концепта «жертва» в образе Родиона Раскольникова в романе Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Концепт «жертва» в тексте романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» реализуется на различных структурно-смысловых уровнях. Образ Раскольникова последовательно воплощает в романе различные смысловые аспекты концепта «жертва» (жертва модной теории и собственных амбиций, поколение как жертва переломной эпохи и т. д.). Наиболее значимыми для формирования рецепции становятся принципы полифонизма, когда мнение читателя создается опосредованно через проявленное в речи и мыслях отношение персонажей романа.

Ключевые слова: Ф. М. Достоевский, «Преступление и наказание», Родион Раскольников, образ, герой, аксиология, концепт, жертва, виктимология, полифонизм, рецепция.

Начавшееся с критики романа «Преступление и наказание» в эпоху Достоевского (Н. Д. Ахшарумов, Н. К. Михайловский, В. Л. Марков, П. Н. Ткачёв и др.) рассуждение о картине всеобщего неблагополучия и о жертвенности образа Раскольникова не прекращалось и в последующих исследованиях не только критиков, но и философов (Н. С. Бердяев, Н. О. Лосский, М. И. Туган-Барановский и др.), психологов (З. Фрейд, Д. Ранкур-Лаферьер и др.), юристов (А. Ф. Кони, В. А. Бачинин и др.), литературоведов (А. З. Штейнберг, Г. М. Фридлендер, Л. А. Сараскина, Т. А. Касаткина, Г. Померанц, А. Н. Кошечко и др.).

Исходным тезисом данной работы становится важная для понимания заявленной научной проблемы мысль А. Н. Кошечко о том, что «Достоевский – не криминалист, а писатель, которого в первую очередь интересует психологическая составляющая проблемы – виктимологический аспект личностных отношений. Причем эта проблема рассматривается Достоевским в двух ракурсах – бытовом и бытийном, на что он сам неоднократно указывает: „Задача искусства – не случайности быта, а общая их идея, зорко угаданная и верно снятая со всего многообразия жизненных явлений“» [1, с. 82–83].

Концепт «жертва» в тексте романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» реализуется на различных структурно-смысловых уровнях. Важно отметить, что прямые маркеры данного концепта встречаются довольно редко: лексема «жертва» употребляется 24 раза, тогда как лексем «страдание» – 71 и «мучение» – 109. Контекстуальное проявление концепта на уровне периферийных элементов, которое проявляется в употреблении отрицательной частицы «не» (всего в романе 3 664 раза), чаще всего в сочетании с глаголами, что указывает на невозможность действия, и слов с приставками без-, бес-, обозначающих лишенность чего-либо и у Достоевского в большинстве случаев

маркирующих качества жертвы или преступника (550 случаев употребления в романе), показывает, с одной стороны, важность для автора концепта «жертва», а с другой – его стремление избегать прямых оценок и определений. Автор связывает это прежде всего со спецификой понимания понятия «жертва», в котором на первое место выходит не криминально-бытовое значение, а духовно-нравственные категории, связанные с православным сознанием.

Исследование рецепции романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание» в случайной выборке опрашиваемых показало, что в настоящее время большинство читателей (93,5 %) согласны с утверждением, что практически любого героя романа можно рассматривать как жертву. Существенная трансформация наполнения концепта «жертва» в концептофере современного россиянина проявилась в том, что большинство опрошенных не вспомнили о криминальных жертвах Раскольникова – Алёне Ивановне (ее назвали жертвой 49 % участников исследования) и ее сестре Лизавете (ее не назвал ни один человек), в то время как самого Раскольникова 50 % опрошенных сочли жертвой и еще 28,6 % – преступником и жертвой одновременно, то есть 78,6 % опрошенных видят в Раскольникове жертвенное начало. Остальные 21,4 % считают Раскольникова преступником, не видя в его образе проявлений жертвы.

Анализируя приведенные цифры, можно увидеть логическое несоответствие: 93,5 % читателей согласны с утверждением, что любого персонажа «Преступления и наказания» можно назвать жертвой, но в то же время только 78,6 % признают жертвой Раскольникова, то есть для 14,9 % опрошенных характерно различное восприятие концепта «жертва» на уровне романа и на уровне образа отдельного героя – Раскольникова. При этом с уменьшением возраста анкетированных наблюдается снижение восприятия концепта «жертва». Анкети-

рование проводилось в трех условных возрастных группах: до 30 лет (старшеклассники и студенты), 30–60 лет (гуманитарная и негуманитарная интеллигенция), старше 60 лет, всего опрошено 120 человек.

Для Ф. М. Достоевского значимой оказывается ситуация, когда между выбором добра или зла в душе человека идет острая борьба, и поэтому образ Раскольникова, который становится жертвой модной теории и собственных амбиций, перерастает криминальную историю и становится отражением трагедии целого поколения переломной эпохи. Это подтверждает высказанную В. И. Тюпа [2], с опорой идеи М. М. Бахтина [3], мысль о том, что ценностным центром в художественном произведении выступает «инстанция героя, к которому автор относится эстетически – как к <...> личностной форме целостности бытия» [2, с. 31].

В ходе работы над текстом романа писатель постоянно отвергал собственные попытки склонить чашу весов в пользу добра в душе героя и возможность сдвига финала романа к счастливому завершению. Однако продолжая колебаться в окончательном выборе между добром или злом, герой следует обозначенному писателем пути выбора. По мнению А. Н. Кошечко, для Достоевского «точки экзистенциального кризиса являются необходимыми точками роста, когда личность получает возможность заново осознать саму себя, уникальный факт своего существования, свою экзистенцию. Процесс апостасии – это всегда кризис, всегда бунт, если и не против Бога и мироздания, то против самого себя как Другого по сравнению с обретенным на новом этапе опытом» [4, с. 27].

Ситуация, в которой оказывается Раскольников, переводит явления из разряда бытового на бытийный уровень и делает равнозначными в ценностно-смысловом плане такие понятия, как «жертвоприношение» и «преступление», «жрец» и «преступник», «жертва религиозная» и «жертва криминальная». В ситуации подобного смыслового перехода понятие «преступление» преодолевает узкие рамки криминальной семантики, а преступник как субъект действия превращается в страдающую сторону, в особый вариант жертвы¹. А. Н. Кошечко замечает по этому поводу: «В переломные эпохи человек вынужден самоопределяться относительно двух доминант – преступник или жертва, причем в большинстве случаев это не столько сознательный выбор, сколько трагические последствия нравственной дезориентации. Нравственность здесь понимается в экзистенциальном смысле: не как „внешний“ закон, требующий „внешнего“ ис-

полнения, а глубинный, фундаментальный закон личности, „интуитивная нравственность“. Особенно остро эта дезориентация переживается молодыми. Абсурд ситуации заключается в появлении особого типа преступника-жертвы, который одновременно и виновен в своих действиях, и не виновен» [1, с. 84].

В имени главного героя романа – Родион Романович Раскольников – исследователи традиционно обращают внимание на символическое значение фамилии. Так, С. В. Белов [5], обобщая исследования М. С. Альтмана [6], А. Л. Бема [7], В. Н. Топорова [8], анализирует феноменологию расколото-сти личности главного героя «Преступления и наказания».

Анализ исторических источников позволяет охарактеризовать раскольников как православных христиан, которые не приняли церковной реформы Патриарха Никона во второй половине XVII в. (которую Достоевский считал ошибочной) и сохранили верность своей вере и своим идеалам. Мирозренческий контекст раскольников как определенной ценностной позиции используется Достоевским для создания образов Дуни и Пульхерии Александровны, хранящих верность своим идеалам и принципам в любой ситуации, в отличие от Родиона Раскольникова, который поддается соблазну «новой веры» – сформулированной им самим идеологии – и «раскалывает» собственное сознание, сознательно отступая от Бога. Один из вариантов значения имени и отчества Родион Романович – «герой» (от еврейского «Иродион») и «сильный» (от греческого «Роман»). Суммируя данные исследований, получаем один из вариантов значения имени «Родион Романович Раскольников»: «сильный герой, последователь старой истинной веры». Так, на уровне имени Достоевский определяет не только расколото-сть сознания литературного персонажа, но и предстоящий путь борьбы, на котором Раскольников должен или остаться жертвой и погибнуть, или победить зло и стать героем. Важно отметить, что имя определяет образ Раскольникова как образ героя, проходящего инициацию, но не как преступника.

Внешнему портрету Раскольникова писатель отводит в произведении весьма незначительную роль. Достоевский рисует только своеобразный штриховой контур – «один молодой человек»² (т. 6, с. 5), говорит о «тонких чертах молодого человека» (т. 6, с. 6) и потом, кстати, добавляет: «Он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен» (т. 6, с. 6). Далее писатель практически не описывает детали внешности героя, но с помо-

¹ К анализу данного типа преступников-жертв Ф. М. Достоевский обращается в «Записках из Мертвого дома» и в «Дневнике писателя», расширяя и дополняя его интерпретацию.

² Ссылки на источник [9] даются в круглых скобках с указанием тома и страницы.

щью внутреннего монолога Пульхерии Александровны указывает на его внешнее сходство с сестрой Дуней (т. 6, с. 173), которая, в свою очередь, сопоставляется автором с матерью. Внешнее сходство членов семейства Раскольниковых вызывает у читателя определенные ожидания сходства их характеров. Никто из семьи не считает себя жертвой, хотя уже в тексте письма матери (т. 6, с. 27–34) автор показывает нам социальную незащищенность Пульхерии Александровны и Дуни и их готовность жертвовать собой ради блага любимого сына и брата. Они готовы терпеть лишения и унижения только ради того, чтобы боготворимый ими «Родя» имел возможность закончить учебу и добиться успеха в жизни. Раскольников, понимая цену такой жертвенной любви, легко тратит взятые ими в долг деньги на добрые дела – нанимает извозчика для пьяной девочки, помогает семье Мармеладовых с организацией похорон. В последнем случае его действия воспринимаются Мармеладовыми (и читателями) как самопожертвование, хотя фактически он жертвует не свое.

По поводу одежды Раскольникова и его и манеры одеваться автор пишет: «Он был до того худо одет, что иной, даже и привычный человек, посоветился бы днем выходить в таких лохмотьях на улицу» (т. 6, с. 6), а несколько ниже, подчеркивая не только и не столько одежду как таковую, сколько одежду как отражение внутреннего состояния человека, делает важный для характеристики психологического состояния героя вывод: «Трудно было более опуститься и обнеряшиться». И тут же добавляет: «Но Раскольникову это было даже приятно в его теперешнем состоянии духа. Он решительно ушел от всех, как черепаха в свою скорлупу» (т. 6, с. 25).

Портрет героя не имеет принципиального значения для развития сюжета романа и читательской оценки героя, который неизменно изображается автором через значимые детали принадлежащего ему пространства, отчетливо выражающего идею крайней материальной нужды: «Один молодой человек вышел из своей каморки» (т. 6, с. 5). Личное финансовое неблагополучие героя осмысливается автором как часть всеобщего неблагополучия: «Впрочем, квартал был таков, что костюмом здесь было трудно кого-нибудь удивить» (т. 6, с. 6). При этом в изображении героя есть описание его психологического состояния, погруженности в размышления, что принципиально отличает его от окружения и выводит в плоскость бытийных вопросов и экзистенциальных задач: «Он впал как бы в глубокую задумчивость, даже, вернее сказать, как бы в какое-то забытье, и пошел, уже не замечая окружающего, да и не желая его замечать» (т. 6, с. 6).

Реализуя в тексте принципы полифонии, Достоевский системно уходит от прямых авторских описаний характера и душевных свойств героя, его внутренний мир показывается преимущественно через восприятие других персонажей. Это самый объемный информационный текстовый пласт, создающий и дополняющий образ Родиона Раскольникова. Писатель позиционирует Раскольникова в системе персонажей как центральную, стержневую фигуру, вокруг которой выстраивается действие и с которой остальные действующие лица соприкасаются или же возвращаются вокруг нее.

Семья, мать и сестра любят его и почти боготворят. Их доброта, ум, порядочность и готовность к самопожертвованию вызывают симпатию читателя и доверие к тому, что Дуня и Пульхерия Александровна говорят о Родионе Раскольникове (причем всегда говорят только с любовью и восторгом, хотя во многих ситуациях могли бы упрекнуть). В основе отношения к Раскольникову его друга Разумихина лежит субъективная рациональность, которая раскрывает и обосновывает противоречивое поведение Родиона. В характеристике, которую писатель делегирует Разумихину (т. 6, с. 164), рисуется образ сильной личности, противопоставляющей себя окружающим и не вызывающей ассоциаций с жертвой, подчеркивая: «Точно в нем два противоположные характера поочередно сменяются» (т. 6, с. 164), следуя линии, обозначенной уже на уровне имени, что в душе Раскольникова идет борьба героя и преступника, веры и отступничества. Это приводит читателя к предположению, что для разрешения этого противоречия герою придется принести жертву – другого и/или себя самого – как цену самоопределения³.

Психологические игры следователя Порфирия Петровича раскрывают Раскольникова как запутавшегося в модных тенденциях философии доброго и совестливого человека, которому игра и притворство даются нелегко. Это не может не вызвать расположение к герою, который при общении со следователем переходит в категорию жертвы модных идеологий и психологических игр.

Важно отметить, что в речи и мыслях Павла Петровича Лужина, который практически всеми персонажами воспринимается как нехороший, непорядочный человек, мы можем видеть не негативные характеристики Раскольникова (Лужин осторожен и аккуратен в словах), а негативное отношение Лужина к нему: «Петр Петрович несколько секунд смотрел на него с бледным и искривленным от злости лицом, затем повернулся, вышел, и уж, конечно, редко кто-нибудь уносил на кого в своем сердце столько злобной ненависти, как этот чело-

³ Ср. действия в ситуации выбора Свидригайлова, Лужина, Мармеладова, Сони, Дуни и т. д.

век на Раскольникова. Его, и его одного, он обвинял во всем» (т. 6, с. 234). Такая оппозиция персонажей способствует укреплению читательского восприятия Раскольникова как героя.

Из общей тенденции представления о Раскольникове как герое выбиваются восприятия два значимых героя романа, представляющих два противоположных мнения. Это Свидригайлов и Соня Мармеладова. И тот и другая воспринимают его без осуждения, с пониманием, но исходя из собственной жизненной позиции.

Свидригайлов в своем последнем разговоре с Дуней произносит: «А шельма, однако ж, этот Раскольников! Много на себе переташил. Большою шельмой может быть со временем, когда вздор повыскочит, а теперь *слишком* уж жить ему хочется! Насчет этого пункта этот народ – подлецы» (т. 6, с. 391). Так как Свидригайлов позиционируется еще до своего появления как отрицательный герой, преступник и библейских заповедей, и земного закона, персонажами положительными (Пульхерия Александровна, Дуня), то у читателя складывается скептическое отношение к этому герою и его мнению, и слово «подлец» в его речи обретает противоположное значение. Это единственное в романе мнение, которое определяет Раскольникова как преступника, но и оно фокусирует внимание читающего на несостоятельности, незрелости преступного начала в Раскольникове.

Особое место в структуре романа и роль в формировании читательского восприятия играют сцены встреч и разговоров героя с Соней Мармеладовой, отношение которой к Раскольникову продиктовано глубоким сочувствием и состраданием, не объясняемыми рассудком, но доступными открытому верой в Бога сердцу. Еще ничего не зная, Соня восклицает: «Ох, как вы мучаетесь! – с страданием произнесла она, взглядываясь в него» (т. 6, с. 315). Героиня, воспринимаемая читателем как страдальца, видит и показывает страдания Другого. При этом она говорит с героем «с страданием», «отчаянно», «в исступлении» и т. п., с помощью чего автор усиливает восприятие ситуации безнадежности и отчаяния Раскольникова. Слова Сони «Что вы, что вы это над собой сделали!» (т. 6, с. 316) предваряют слова самого героя о том, что он убил себя, а не процентщицу. Так, в читательском восприятии Раскольников становится жертвой. Соня же назовет и причину этого: «От бога вы отошли, и вас бог поразил, дьяволу предал! <...> О господи! Ничего-то, ничего-то он не поймет!» (т. 6, с. 321). Непонимание Раскольниковым

причины своего страдания, жертвенной сущности своего положения не умаляет его страдания и сочувствия к нему Сони, а через посредство ее образа – и читателя. Признание Раскольникова Соне – один из самых эмоциональных и напряженных эпизодов в романе, который завершает формирование рецепции образа героя как жертвы крушения ценностной системы, безверия, модных идеологий и социума.

Один из последних штрихов в образе Раскольникова как жертвы Достоевский создает в эпизоде покаяния Раскольникова на площади, знаковые слова произносят безымянные персонажи. Предчувствием страданий звучит: «Сохрани тебя бог! – послышался плачевный голос нищей» (т. 6, с. 405), а фраза пьяненького мещанина «Это он в Иерусалим идет, братцы, с детьми, с родиной прощается, всему миру поклоняется» (т. 6, с. 405) звучит не только в бытовом плане как фраза о паломничестве, но и отсылает компетентного читателя к новозаветной истории входа Христа в Иерусалим – на искупительную жертву за все человечество. Преступление Раскольникова – его отказ от духовно-нравственных оснований православной веры – требует от него самопожертвования, без которого он обречен (как это происходит со Свидригайловым) и без которого невозможно воскресение.

А. Н. Кошечко, рассматривая духовно-нравственные процессы в художественном мире Достоевского, отмечает, что апостасия может победить человека при его уходе от Бога или будет побеждена путем восстановления высших мотиваций, которые дадут стимул и цель существования и что именно «экзистенциальное кризисное переживание бытия человека в мире предшествует у Достоевского опыту глубокой религиозной жизни» [4, с. 27].

Таким образом, в романе «Преступление и наказание» Достоевский представляет концепт «жертва» на различных уровнях поэтики, в первую очередь на уровне системы персонажей и в образах героев, что было показано выше на примере анализа некоторых средств создания образа Родиона Раскольникова. Взаимоотношения персонажей, их «мнение» о Другом способствуют формированию читательского отношения в соответствии с авторским замыслом, иногда вразрез с логикой, и трудно не согласиться с мнением М. М. Бахтина о том, что познавательная-этическая заинтересованность в событии героя оказывается внутри художественной заинтересованности автора, когда «эстетическая объективность идет в другом направлении, чем познавательная и этическая» [3, с. 14].

Список литературы

1. Кошечко А. Н. Виктимологический дискурс в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского как опыт экзистенциальной рефлексии // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2010. Вып. 8 (98). С. 80–86.

2. Тюпа В. И. Анализ художественного текста: учеб. пособие. М.: Академия, 2009. 336 с.
3. Бахтин М. М. Автор и герой в эстетической деятельности // Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 422 с.
4. Кошечко А. Н. Достоевский и апостасия: к вопросу об атрибутивных характеристиках // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2013. Вып. 11 (139). С. 23–31.
5. Белов С. В. Роман Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание»: Комментар. 2-е изд. М.: Просвещение, 1984. 240 с.
6. Альтман М. С. Достоевский. По вехам имен. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1975. 280 с.
7. Бем А. Л. Личные имена у Достоевского // О Dostojevskem. Sbornik stati a materialu. Praha, 1972. С. 244–286.
8. Топоров В. Н. О структуре романа Достоевского в связи с архаичными схемами мифологического мышления («Преступление и наказание») // Structure of Texts and Semiotics of Culture. Paris: Mouton, 1973. С. 225–302.
9. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1986.

Смирнов Я. В., аспирант.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, Томск, Россия, 634061.

E-mail: v-tomsk@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28.12.2015.

Ya. V. Smirnov

MEANS OF REPRESENTATION OF THE CONCEPT “VICTIM” IN F. M. DOSTOYEVSKY’S NOVEL “CRIME AND PUNISHMENT”

The article deals with the analysis of the means of representation of a concept “victim” in the image of Rodion Raskolnikov in F. M. Dostoyevsky’s novel “Crime and punishment”. The concept “victim” in the text of the novel of F.M. Dostoyevsky “Crime and punishment” is realized at various structural and semantic levels. An image of Raskolnikov consistently embodies in the novel various semantic aspects of a concept “victim” (the victim of the fashionable theory and own ambitions, generation as the victim of a critical era, etc.). The principles of polyphony when the opinion of the reader is created indirectly through the relation of characters of the novel shown in the speech and thoughts become the most significant for formation of reception.

Key words: F. M. Dostoyevsky, “Crime and punishment”, Rodion Raskolnikov, image, hero, axiology, concept, victim, victimology, polyphonism, reception.

References

1. Koshechko A. N. Viktimologichesky diskurs v “Dnevnikе pisatelya” F. M. Dostoyevskogo kak opyt ekzistentsial’noy refleksii [Victimological discourse in “The Diary of a writer” F. M. Dostoyevsky as an experience of existential reflection]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2010, vol. 8 (98), pp. 80–86 (in Russian).
2. Тюпа В. И. *Analiz khudozhestvennogo teksta* [Analysis of literary text]. Moscow, Akademiya Publ., 2009. 336 p. (in Russian).
3. Bakhtin M. M. Avtor i geroy v esteticheskoy deyatelnosti [Author and hero in aesthetic activity]. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [The aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 422 p. Pp. 7–180 (in Russian).
4. Koshechko A. N. Dostoyevsky i apostasiya: k voprosu ob atributivnykh kharakteristikakh [Dostoyevsky and apostasy: the question of attributive characteristics]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2013, vol. 11 (139), pp. 23–31 (in Russian).
5. Belov S. V. Roman F. M. Dostoyevskogo “Prestupleniye i nakazaniye” [A novel by F. M. Dostoyevsky “Crime and punishment”], Comments. 2nd ed. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1984. 240 p.
6. Al’tman M. S. *Dostoyevskyy. Po vekham imen* [Dostoyevsky. By milestones names]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo un-ta Publ., 1975. 280 p.
7. Böhm A. L. Lichnye imena u Dostoyevskogo [Personal names in Dostoyevsky]. *About Dostojevskem. Sbornik stati a materialu*. Praha, 1972, pp. 244–286.
8. Toporov V. N. O strukture romana Dostoyevskogo v svyazi s arkhainymi skhemami mifologicheskogo myshleniya (“Prestupleniye i nakazaniye”) [On the structure of Dostoyevsky’s novel in connection with the archaic schemes of mythological thinking (“Crime and punishment”)]. *Structure of Texts and Semiotics of Culture*. Paris, Mouton, 1973, pp. 225–302.
9. Dostoyevsky F. M. *Polnoye sobraniye sochineniy v 30 t.* [Complete works in 30 v.] Leningrad, Nauka Publ., 1972–1986.

Smirnov Ya. V.

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Russia, 634061.

E-mail: v-tomsk@yandex.ru